

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-5-112-125

УДК 81'371

ПОЛИСЕМИЯ, КОНТЕКСТ И ТРАНСЛЯЦИЯ СМЫСЛОВ*Воркачев С.Г., Воркачева Е.А.*

Цель. Исследование явления полисемии и контекста как средства идентификации смысла речевого употребления многозначных единиц языка.

Материалы и методы. Анализ представлений о многозначности и контексте в работах по лингвистике и обобщение результатов опубликованных авторами статьи работ по лексической семантике и лингвоконцептологии.

Результаты. Устанавливается, что контекст обладает различной степенью «разрешающей способности» и может быть «сильным» – достаточным для однозначного опознания какого-то одного из значений многозначной единицы и «слабым» – недостаточным для такого опознания. «Асимметричный дуализм языкового знака» реализуется в речи в «сильных» контекстах как синкретизм, а в «слабых» контекстах – как амфиболия. Языковая полисемия единиц языка обычно снимается в контекстах их речевого употребления, однако иногда эта многозначность сохраняется, что свидетельствует о небрежности отправителя речи либо о его стремлении намеренно ввести в заблуждение своего партнера по коммуникации. Понятие разрешающей силы контекста успешно используется для диагностирования «сильных» и «слабых» контекстов речевого употребления как лексических, так и грамматических единиц в испанском, английском и русском языках.

Заключение. В модели перевода, основанной на теории закономерных соответствий, выбор вариантных соответствий определяется речевым контекстом и в значительной мере зависит от лингвокультурной компетенции переводчика.

Ключевые слова: полисемия; синонимия; нейтрализация; синкретизм; контекст; разрешающая способность; вариантное соответствие; лингвокультурная компетентность.

POLYSEMY, CONTEXT AND MEANINGS TRANSFERENCE

Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A.

Objective. Investigation of the phenomenon of polysemy and context as a means of identifying the meaning of speech use of polysemantic units of the language.

Materials and methods. Analysis of ideas about polysemy and context in works on linguistics and generalization of the results of works published by the authors of the article on lexical semantics and linguo-conceptology.

Results. It is established that the context has varying degrees of “resolution” and may be “strong” – sufficient for unambiguous identification of one of the meanings of a multiple-valued unit and “weak” – insufficient for such identification. “Asymmetric dualism of a linguistic sign” is realized in speech in “strong” contexts as syncretism, and in “weak” contexts as amphibole. Linguistic polysemy of language units is usually removed in the contexts of their speech use, but sometimes this ambiguity remains, which indicates the negligence of the sender of the speech or his desire to deliberately mislead his communication partner. The concept of the resolving power of the context is successfully used to diagnose “strong” and “weak” contexts of speech use of both lexical and grammatical units in Spanish, English and Russian.

Conclusion. In the translation model based on the theory of regular correspondences, the choice of variant correspondences is determined by the speech context and largely depends on the linguocultural competence of the translator.

Keywords: polysemy; synonymy; neutralization; syncretism; context; resolution; variant match; linguocultural competence.

Введение

Естественный язык, в отличие от языков искусственных, – открытая развивающаяся семиотическая система, источником самодвижения которой, как представляется, выступают такие свой-

ства, как «размытость» семантических границ её значимых единиц и их взаимопритяжение и взаимоотталкивание, то, что С. Карцевский назвал *dualisme asymétrique du signe linguistique* [21] – «асимметричным дуализмом языкового знака».

Многозначность (полисемия) как имманентное отличительное свойство знаковой системы любого естественного языка, пожалуй, наиболее «броское» свойство его единиц, зафиксированное большинством лингвистических словарей. В самом общем виде полисемия в соответствии с «внутренней формой» термина (гр. *πολυσημεια*) – это наличие у языковой единицы нескольких значений. Многозначность может «бытовать» в области грамматических значений, однако привычной областью её бытования является лексическая система языка, где многозначным считается слово, обозначающее разные предметы и явления действительности, и значения которого (лексико-семантические варианты) находятся в отношении выводимости.

Материалы и методы

Исследование проведено на материале анализа представлений о многозначности и контексте в работах по лингвистике и результатов опубликованных авторами статьи работ по лексической семантике и лингвоконцептологии.

Типология лексической полисемии осуществляется по нескольким основаниям: 1) по характеру языковой мотивированности значений слова – метафорической и метонимической; 2) по зависимости частных значений от главного и их взаимосвязи друг с другом; 3) по вид оппозиции ЛСВ – полисемию ассоциативную, основанную на оппозиции значений, связанных лишь ассоциативным признаком, и полисемию ассоциативно-смысловую, характеризующую не только ассоциативной, но и содержательной связью значений слова [4, с. 203].

Контекст – термин и предмет исследования многочисленных гуманитарных наук: социальной антропологии, эпистемологии, психологии, истории науки, истории философии и, конечно, языкознания. В широком лингвистическом понимании контекст – это окружение какой-либо языковой единицы, необходимое и достаточное для опре-

деления её значения. В фокус исследовательского интереса науки о языке контекст попал в первой половине 20 в. в работах Лондонской лингвистической школы, на тему контекста с тех пор высказались уже многие зарубежные и отечественные лингвисты (Дж.Р. Фёрс, У. Вейнрейх, Ш. Балли, Т.А. Ван Дейк, И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюнова, Г.В. Колшанский), однако контекст продолжает оставаться вполне востребованным объектом изучения и в настоящее время [12; 10].

Как средство семантической идентификации и инструмент лингвистического анализа контекст используется лишь при исследовании и описании употребления многозначных лексических и грамматических единиц. Выделяются собственно языковой, лингвистический контекст как фрагмент текста, включающий анализируемую единицу, необходимый и достаточный для определения её значения, и контекст экстралингвистический, невербальный, представленный ситуацией общения, условиями и каналом коммуникации; контекст стилистический, назначение которого состоит не в снятии многозначности, а в добавлении новых значений, новых коннотаций [2, с. 37]; контекст эксплицитный и имплицитный, основанный на пресуппозициях, позволяющих участникам общения идентифицировать смысл речи [19, с. 238]. Выделяются коммуникативный (значимый для восприятия смысла сообщения) и операциональный (анализа семантики единицы речевого произведения для установления подтекста) контексты. По формальному признаку выделяются правосторонний и левосторонний контексты, выделяются группы контекстов по разрядам единиц – фонемы, морфемы, слова и словосочетания, а также предложения [10, с. 129]. Различаются микроконтекст – минимальное окружение единицы для идентификации её значения, и макроконтекст – её окружение в тексте как в целом. Выделяются «горизонтальный» контекст как аналог вербального, собственно лингвистического контекста и «вертикальный» контекст как аналог культурного контекста [3, с. 49]. Формирование в конце 20 в. такого российского ответвления антропологической лингвистики, как лингвокультурология привело к выделению еще одной разновидности контекста – лингвокультурологического [11]. В функциональном плане у контекста выделяются

такие типы, как *разрешающий* – снимающий в речи полисемию языковых единиц, *поддерживающий* – обеспечивающий повторяемость значения единицы в тексте, *погашающий* – осознающий нетипичное значение единицы, *компенсирующий* – способствующий адекватному пониманию значения единицы в условиях дефицита средств её опознания, и *интенсифицирующий* – способствующий приращению смысла этой единицы [19, с. 238]. Как представляется, особо важное значение для речевого общения имеет разрешающая функция контекста, определяющая степень идентифицируемости значения языковых единиц участниками коммуникации. Как раз «разрешающая способность» контекста как его достаточность или недостаточность для снятия полисемии языковой единицы, делает его «коммуникативным контекстом» [16, с. 98]. Контекст может быть достаточным для снятия многозначности какой-либо лексической или грамматической единицы и быть полным и «сильным». Он может указывать на невозможность речевой реализации каких-то значений этой единицы и быть «сильным» и частичным. Он способен отсылать только к предпочтительности того или иного толкования полисемической единицы и быть «слабым» и симптоматичным. И, наконец, он может не давать никакой информации о возможности того или иного толкования этой единицы – быть «слабым» и нейтральным.

Результаты исследования и дискуссия

К числу явлений, порождаемых асимметрией языкового знака, принадлежат полисемия, синонимия, омонимия, синкретизм, семантическая нейтрализация и амфиболия. В то время как полисемия и омонимия присутствуют в языке и почти всегда снимаются в речи, синкретизм, нейтрализация и двусмысленность принадлежат только речи.

Соответствие в системе языка одному означаемому нескольких означаемых, связанных между собой семантически и образующих лексико-семантические варианты слова, представляет собой полисемию – многозначность (неоднозначность). Подобные лексико-семантические варианты одного и того же слова находятся в отношении дополнительной дистрибуции – в одинаковых контекстах не встречаются, что по-

зволяет говорить о том, что означаемое здесь одно и то же. Выделяются такие типы полисемии, как синтаксическая и лексическая, языковая и речевая, метонимически и метафорически мотивированная многозначность [1, с. 176–180]. Языковая полисемия – внеконтекстное свойство знаковых единиц, речевая – контекстно обусловленное. Речевая многозначность может быть произвольной, случайной, и она также может быть преднамеренной, каламбурной [14, с. 22].

Отсутствие в плане синхронии смысловой связи между означаемыми, имеющими идентичные означающие, свидетельствует об омонимии, возникающей либо вследствие изменений формы лексических единиц в ходе словообразования, либо распада полисемии – исчезновения единицы-посредника в системе лексического кластера ЛСВ многозначного слова, что обычно выражается морфологически и синтаксически.

Синкретизм как совпадение по функции в одном означающем нескольких означаемых представляет собой одновременную речевую реализацию более одного, в отличие от омонимии, значения. От многозначности он отличается принадлежностью актуализуемых значений к равнозначным категориям и отсутствием между этими значениями деривационных связей. Синкретизм принадлежит, главным образом, грамматике, а синхроничная речевая реализация нескольких значений многозначного слова дает либо нейтрализацию, либо двусмысленность.

Если синкретизм наблюдается в «сильных» контекстах речевой актуализации многозначного слова при сохранении смыслового противопоставления разнопорядковых семантических категорий, передаваемых означаемым, то нейтрализация представляет собой взаимное «погашение» значимых семантических оппозиций единиц языка и происходит в «слабых» контекстах речевой актуализации, «разрешающая сила» которых недостаточна для идентификации того или иного значения полисемической единицы. Обязательным условием нейтрализации выступает принадлежность маркированного и немаркированного значений одному категориальному разряду.

Речевая синонимия возникает в силу нейтрализации в определенной позиции семантики лексем с различными планами выра-

жения. В случае же нейтрализации компонентов семантического состава единиц с одним и тем же планом выражения речь идет уже о неразличении лексико-семантических вариантов [20, с. 382].

Принято считать, что, как правило, внеконтекстная, языковая полисемия единиц языка снимается в контекстах их речевого употребления, однако в части контекстов эта многозначность сохраняется [18, с. 5, 41], и происходит это в контекстах «слабой разрешающей силы». Подобная многозначность получила названия амфиболии, двусмысленности – прагматически маркированной разновидности «речевой омонимии», свидетельствующей либо о небрежности отправителя речи, либо о его желании намеренно ввести в заблуждение своего партнера по коммуникации, либо о каламбурности текста [15, с. 6].

Категория полисемии, очевидно, представляет собой одну из универсалий естественного языка, то же самое можно сказать и о контексте, снимающем в речи эту полисемию, и о такой его характеристике, как разрешающая способность. Многозначность и контекстные способы её снятия засвидетельствованы и исследованы, например, в таких индоевропейских языках, как испанский, английский и русский.

Так, в испанском языке понятие разрешающей силы контекста успешно используется для диагностирования «сильных» и «слабых» контекстов речевого употребления как лексических, так и грамматических единиц. Глаголы *poder* «мочь» и *deber* «быть должным» – в высокой степени полисемичные лексические единицы [5], способные к передаче значений алетической и деонтической модальности, удивления, разрешения, приказа, вероятностной и этической оценки. Для снятия многозначности этих лексических единиц и сингуляризации того или иного конкретного значения выступают их грамматическая форма, коммуникативная установка высказывания, в котором они употребляются, и ситуация общения. Модально-оценочные значения форм футурума и кондиционала сингуляризируются через присутствие в высказывании модальных слов рациональной оценки, семантический разряд и лицо глагола, а также наличие в высказывании отрицания.

В английском языке понятие разрешающей силы контекста «работает» при описании многозначности модальных глаголов *to wish*

«желать» и to want «хотеть» [13], которые в зависимости от контекста речевого употребления передают значения пожелания, потребности, нехватки, требования, морального долга, вожделения, намерения, решения, попытки и результативного действия, а также совета. Эти значения сингуляризуются с помощью грамматического лица, семантического разряда объектного дополнения, контролируемости или неконтролируемости действия инфинитивного глагола.

В русском языке исследовалась речевая полисемия ядерных предикатов желания – глаголов «хотеть-желать» и описывались контексты её снятия [6, с. 30–52]. Эти лексические единицы способны к передаче, помимо значений желания и «хотения», значений намерения, решения, попытки, результативного действия, приказа, требования, просьбы, предложения, приглашения, разрешения, запрета, согласия, отказа, извинения, предупреждения и отношений безразличия к выбору представителя из класса предметов, сингуляризация которых осуществляется с помощью контекста, включающего такие признаки, как семантический разряд инфинитивного глагола, подконтрольность или неподконтрольность действия инфинитива субъекту, коммуникативная установка высказывания и соотношение социально-коммуникативных статусов участников речевого общения.

В модели перевода, основанной на теории закономерных соответствий, устанавливаемых между единицами оригинала и перевода, выделяется, помимо эквивалентов и переводческих трансформаций, разряд вариантных соответствий, выбор которых определяется речевым контекстом [17, с. 9, 14–17]. Этот выбор в значительной мере зависит от лингвокультурной компетенции переводчика, позволяющей ему при переводе, казалось бы, однозначной единицы языка оригинала установить её соответствие одному из нескольких частичных и контекстуальных синонимов языка перевода. Нужно заметить, что моносемия единицы языка оригинала здесь в достаточной мере кажущаяся: контекст, главным образом лингвокультурный, определяет возможность актуализации в качестве доминантного того или иного семантического признака этой единицы.

Как представляется, особую значимость приобретает выбор ответственности при передаче на язык перевода семантики этноспецифических лексических единиц языка оригинала, где такая передача получила название «трансляции смысла» [9].

Так, например, в качестве английских вариантных соответствий имени специфически русского лингвокультурного концепта 'пошлость' словарь приводит лексемы *vulgarity*, *commonness*, *triviality*, *triteness*, *banality* [22, p. 392], выбор же конкретного варианта определяется контекстом языка оригинала, в котором актуализуется в качестве доминантного один из многочисленных семантических признаков пошлости – бездуховность, безнравственность, безвкусица, банальность, профанация, непристойность, примитивизация [8, с. 253]. Практически то же самое происходит со специфически русским ЛК-концептом 'порядочность', в качестве английских вариантных соответствий имени которого словарь приводит *decency*, *honesty*, *probity* [22, p. 384], в то время как в русских контекстах речевого употребления это имя вербализует такие «факторы порядочности», как честность, правдивость, верность, искренность, доброта, принципиальность, отзывчивость, справедливость, деликатность, воспитанность, чувство собственного достоинства, бескорыстие, патриотизм, скромность, духовность [7, с. 115].

Заключение

Контекст как средство семантической сингуляризации значений многозначной языковой единицы обладает различной степенью «разрешающей способности» и может быть «сильным» – достаточным для однозначного опознания какого-то одного из её значений, и «слабым» – недостаточным для такого опознания. «Асимметричный дуализм языкового знака» реализуется в речи в «сильных» контекстах как синкретизм, а в «слабых» контекстах – как амфиболия.

Как правило, языковая полисемия единиц языка снимается в контекстах их речевого употребления, однако в части своего речевого употребления эта многозначность сохраняется и свидетельствует о небрежности отправителя речи либо о его желании намеренно ввести в заблуждение своего партнера по коммуникации.

Понятие разрешающей силы контекста успешно используется для диагностирования «сильных» и «слабых» контекстов речевого употребления как лексических, так и грамматических единиц в испанском, английском и русском языках; в модели перевода, основанной на теории закономерных соответствий, выбор вариантных соответствий определяется речевым контекстом и в значительной мере зависит от лингвокультурной компетенции переводчика; особую значимость приобретает выбор соответствия при передаче на язык перевода семантики этноспецифических лексических единиц языка оригинала, таких, как «пошлость» и «порядочность».

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
3. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47–54.
4. Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. и др. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
5. Воркачев С.Г. Речевые функции модальных глаголов, футурума и кондиционала (на материале испанского языка) // Филологические науки. 1990. № 5. С. 74–82.
6. Воркачев С.Г. Базовая семантика и лингвоконцептология: на стыке парадигм гуманитарного знания. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 540 с.
7. Воркачев С.Г. «Реликтовое чувство»: порядочность по данным корпусной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 111–116.
8. Воркачев С.Г. «Госпожа Пошлость»: наброски к семантическому портрету // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 4. С. 250–254.
9. Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 16 с.

10. Доминикан А.И. Виды контекстов при разных научных подходах // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2017. № 4. С. 125–131.
11. Евтеев С.В. Проблема моделирования лингвокультурологического контекста при переводе научного текста (на материалах русского, немецкого и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 16 с.
12. Жихарева Н.А., Селищева О.Н. Типы контекста и его функции в процессе коммуникации // Восточнославянская филология. 2016. Вып. 3(29). Языкознание. С. 76–83.
13. Жук Е.А. Сопоставительный анализ ядерных предикатов желания в русском и английском языках (прагмасемантические аспекты): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1994. 17 с.
14. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
15. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. М.: Высшая школа, 1984. 119 с.
16. Мыркин В.Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // Филологические науки. М., 1978. № 1. С. 95–100.
17. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М: Международные отношения, 1974. 216 с.
18. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971. 294 с.
19. Торсуева И.Г. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 238–239.
20. Шмелев Д.Н. Омонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 382.
21. Karcevskij S. Du dualisme assymétrique du signe linguistique // Travaux du Cercle linguistique de Prague, 1929, no 1, pp. 88–92.
22. (The) Oxford Russian Dictionary. Oxford-NY: Oxford UP, 1997. 1340 p.

References

1. Apresjan Ju.D. *Izbrannye trudy, tom I. Leksicheskaya semantika* [Selected works, Volume 1. Lexical semantics]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1995. 472 p.

2. Arnol'd I.V. *Stilistika. Sovremennyyi angliiskii yazyk* [Stylistics. Modern English]. Moscow: Flinta: Nauka, 2002. 384 p.
3. Akhmanova O.S., Gyubbenet I.V. «Vertikal'nyi kontekst» kak filologicheskaya problema ["Vertical context" as a philological problem]. *Vo-prosy yazykoznaniiya*. 1977, no 3, pp. 47–54.
4. Beloshapkova V.A., Bryzgunova E.A., Zemsкая E.A. et al. *Sovremennyyi russkii yazyk* [Modern Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola, 1989. 800 p.
5. Vorkachev S.G. Rechevye funktsii modal'nykh glagolov, futuruma i konditsionala (na materiale ispanskogo yazyka) [Speech functions of modal verbs, futurum and conditional (based on the Spanish language)]. *Filologicheskie nauki*. 1990, no 5, pp. 74–82.
6. Vorkachev S.G. *Bazovaya semantika i lingvokontseptologiya: na styke paradigm gumanitarnogo znaniya* [Basic semantics and linguoconceptology: at the junction of the paradigms of humanitarian knowledge]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 540 p.
7. Vorkachev S.G. «Reliktovoe chuvstvo»: poryadochnost' po dannym korpusnoi lingvistiki ["Relic feeling": decency according to corpus linguistics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016, no 3, pp. 111–116.
8. Vorkachev S.G. «Gospozha Poshlost'»: nabroski k semanticheskomu portretu ["Mistress vulgarity": sketches for a semantic portrait]. *Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no 4, pp. 250–254.
9. Dimitrova E.V. *Translyatsiya emotivnykh smyslov russkogo kontsepta «toska» vo frantsuzskuyu lingvokul'turu* [Translation of the emotive meanings of the Russian concept "toska" into the French linguistic culture]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2001. 16 p.
10. Dominikan A.I. Vidy kontekstov pri raznykh nauchnykh podkhodakh [Types of contexts in different scientific approaches]. *Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya»*, 2017, no 4, pp. 125–131.
11. Evteev S.V. *Problema modelirovaniya lingvokul'turologicheskogo konteksta pri perevode nauchnogo teksta (na materialakh russkogo, nemetskogo i angliiskogo yazykov)* [The problem of modeling the lin-

- guoculturological context in the translation of a scientific text (on the materials of Russian, German and English languages): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2003. 16 p.
12. Zhikhareva N.A., Selishheva O.N. Tipy konteksta i ego funktsii v protsesse kommunikatsii [Types of context and its functions in the process of communication] *Vostochnoslavjanskaya filologiya*, 2016, issue 3(29). Linguistics, pp. 76–83.
 13. Zhuk E.A. *Sopostavitel'nyi analiz yadernykh predikatov zhelaniya v russkom i angliiskom yazykakh (pragmasemanticheskie aspekty)* [Comparative analysis of nuclear predicates of desire in Russian and English (pragmasemantic aspects)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 1994. 17 p.
 14. Zaliznyak A.A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in language and methods of its presentation]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 672 p.
 15. Litvin F.A. *Mnogoznachnost' slova v yazyke i rechi* [Polysemy of the word in language and speech]. Moscow: Vysshaya shkola, 1984. 119 p.
 16. Myrkin V.Ja. Tipy kontekstov. Kommunikativnyj kontekst [Types of contexts. Communicative context]. *Filologicheskie nauki*. Moscow, 1978, no 1, pp. 95–100.
 17. Retsker Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Oчерki lingvisticheskoi teorii perevoda* [Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974. 216 p.
 18. Solntsev V.M. *Yazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie* [Language as a system-structural formation]. Moscow: Nauka, 1971. 294 p.
 19. Torsueva I.G. *Kontekst* [Context]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990, pp. 238–239.
 20. Shmelev D. N. *Omonimiya* [Homonymy] *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990, p. 382.
 21. Karcevskij S. Du dualisme assymétrique du signe lingüistique. *Travaux du Cercle lingüistique de Prague*, 1929, no 1, pp. 88–92.
 22. (The) Oxford Russian Dictionary. Oxford-NY: Oxford UP, 1997. 1340 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Воркачев Сергей Григорьевич, профессор кафедры иностранных языков № 1, доктор филологических наук, профессор
Кубанский государственный технологический университет
ул. Московская, 2, г. Краснодар, 350072, Российская Федерация
svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru

Воркачева Елена Александровна, доцент кафедры иностранных языков № 1, кандидат филологических наук, доцент
Кубанский государственный технологический университет
ул. Московская, 2, г. Краснодар, 350072, Российская Федерация
velena_1957@mail.ru; vorkachevaelena@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vorkachev Sergey Grigorievich, Professor, Department of Foreign Languages № 1, Doctor of Philology, Professor
Kuban State technological University
2, Moskovskaya Str., Krasnodar, 350072, Russian Federation
svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru
SPIN-code: 5403-109
ORCID: 0000-0002-6290-2582
Researcher ID: W-4122-2017
Scopus Author ID: 56642838800

Vorkacheva Elena Aleksandrovna, Associate Professor, Department of Foreign Languages № 1, Candidate of Philology, Associate Professor
Kuban State technological University
2, Moskovskaya Str., Krasnodar, 350072, Russian Federation
velena_1957@mail.ru; vorkachevaelena@yandex.ru
SPIN-code: 2592-7104
ORCID: 0000-0003-2432-9938